

З. В. УДАЛЬЦОВА

**ПРЕДАТЕЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА
ФЕОДАЛЬНОЙ ЗНАТИ ВИЗАНТИИ
В ПЕРИОД ТУРЕЦКОГО ЗАВОЕВАНИЯ**

Падение Византийской империи, одного из древних и культурных государств средневекового мира, произвело огромное впечатление на современников и привлекало внимание потомков. Немало работ посвятили истории турецкого завоевания Византии буржуазные историки XIX и XX вв. Буржуазная историография всячески искажала и фальсифицировала историю турецкого завоевания Византии и других стран Балканского полуострова. Для буржуазно-дворянского византиноведения проблема падения Византии в основном сводилась к самому факту завоевания как такового; внутренние причины гибели Византийского государства оставались вне поля зрения буржуазных исследователей. Крайне тенденциозное освещение этого вопроса было теснейшим образом связано с определенными политическими и конфессиональными направлениями в буржуазной историографии. В трактовке вопроса о причинах гибели Византийского государства в буржуазной историографии довольно отчетливо намечаются три основных течения. Сторонники первого из них, господствующего среди западноевропейских реакционных католических ученых, сочувствие которых отнюдь не на стороне Византии, считали, что причиной исторической трагедии Византии была прежде всего недальновидная политика византийского правительства — политика «враждебности» и «недоверия» к Западу, религиозная нетерпимость «схизматиков-греков», якобы отвергнувших бескорыстную помощь «единоверного» Запада. Требуя для Византии обвинительного приговора истории, буржуазные «ученые» этого лагеря выступали ревностными защитниками хищного и вероломного папства; они стремились оправдать предательскую политику Западной Европы по отношению к Византии, не останавливаясь для этого перед прямым извращением исторических фактов¹.

Против этой точки зрения выступали буржуазные ученые, примыкавшие, в силу своих политических и конфессиональных взглядов, к «православному»

---

¹ M. Mordmann. Die Belagerung und Eroberung Constantinopels durch die Türken im Jahre 1453. Stuttgart, 1858; J. H. Krause. Die Eroberung von Constantinopel in XIII—XV Jahrhundert. Halle, 1870; E. H. Vlasto. Les derniers jours de Constantinople, Paris, 1883; M. Mordmann. Die letzten Tage von Byzanz. «Mitteilungen des Deutschen Exkursions-Klubs». Constantinopel, 1893; E. Pears. The destruction of the Greek Empire and the story of the capture of Constantinople by the Turks, London, 1903; G. Schlumberger. Le siège, la prise et le sac de Constantinople par les turcs en 1453. Paris, 1914 (перезд. в 1935).

лагерю «защитников» Византии, поднимавших на щит последних представителей гибнущей «великой» империи и в угоду своим монархическим тенденциям восхвалявших «подвиги» императора Константина XI¹. Выражением особенно неприкрытой и разнузданной фальсификации истории турецкого завоевания является третье направление в буржуазной историографии, усиленно возрождаемое ныне англо-американскими лжеучеными. Малкие потуги представителей этого реакционнейшего течения целиком направлены на историческое «оправдание» разбойничьего турецкого завоевания и восхваление турецких завоевателей². Ничего общего с наукой их измышления, конечно, не имеют.

Всепобеждающие идеи марксизма-ленинизма проливают совершенно иной свет — свет подлинно научного знания на вопрос о причинах гибели Византийской империи.

Марксистская наука отнюдь не отрицает значения внешнего завоевания в истории. Но вместе с тем историки-марксисты считают, что нельзя никоим образом сводить причины гибели того или иного государства исключительно к внешнему завоеванию. Весьма важным является выяснение внутренних причин, облегчавших, а зачастую и обуславливавших само завоевание. В связи с этим одной из насущных задач советского византиноведения является изучение внутренних причин падения Византийской империи.

Различные общественные формации в своем экономическом развитии подчиняются не только своим специфическим экономическим законам, но и тем экономическим законам, которые общи для всех формаций.

Одним из важнейших экономических законов, действие которого распространяется на все общественные формации, является закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. И. В. Сталин в своем труде «Экономические проблемы социализма в СССР» вскрыл своеобразие развития производственных отношений. «Это своеобразие развития производственных отношений от роли тормоза производительных сил к роли главного их двигателя вперед и от роли главного двигателя к роли тормоза производительных сил, — составляет один из главных элементов марксистской материалистической диалектики»³. В свете изучения действия закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил на определенной стадии развития феодального общества и необходимо рассматривать вопрос о внутренних причинах упадка Византийского государства, облегчавших его завоевание турецкими полчищами.

В XIV—XV вв. дальнейшее прогрессивное развитие производительных сил Византийского государства уже тормозилось господством феодальных производственных отношений. К этому времени феодальные производственные отношения начали превращаться из двигателя развития произво-

¹ М. Стасюлевич. Осада и взятие Византии турками в 1453 г., Ученые записки II Отд. импер. Акад. наук. СПб., 1854; Παστατή, Πολιορκία καὶ ἄλωσις τῆς Κωνσταντινουπόλεως. Ἀθήναι, 1890; Р. Е. Шеляговский. Падение Константинополя, СПб., 1898 и др.

² J. Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches. Pest, 1827, Bd. I; J. W. Zinkeisen. Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa. B. I. Hamburg, 1840, Bd. II, Gotha, 1854; N. Yorga. Geschichte des Osmanischen Reiches. BB, т. I—II. Gotha, 1908—1909; N. Yorga. Histoire de la vie byzantine. Bucarest, 1934; С. Marinescu. Le pape Nicolas V (1447—1455) et son attitude envers l'Empire Byzantin. Известия на Българския Археологически институт, т. IX, 1935; E. Driault. Le basileus Constantin XII, héros et martyr. Liège, 1936.

³ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 62.

дительных сил, каковым они являлись в период генезиса и победы феодального строя, в тормоз дальнейшего общественного развития. Именно в этом назревавшем, хотя еще полностью не назревшем, противоречии между развивающимися производительными силами и мешающими их поступательному движению вперед феодальными производственными отношениями и следует, на наш взгляд, искать основную причину упадка Византийского государства в XIV—XV вв.

С нашей точки зрения, глубоко ошибочной представляется «теория», которая со времен Э. Гиббона является одной из распространеннейших в буржуазной историографии, прочно вошедшей в арсенал ее реакционных, антинаучных идей, именно «теория», согласно которой Византийское государство накануне турецкого завоевания рассматривается как агонизирующий полутруп, лишенный жизненных сил и неминуемо обреченный на гибель.

На самом деле, и в этот тяжелый период своей истории византийский народ жил и трудился, созидая материальные ценности, двигая вперед развитие производительных сил, творя прекрасные произведения искусства. В XIV—XV вв. на основе дальнейшего, хотя и замедленного развития производительных сил, в экономике византийских городов все более значительную роль начинают играть товарно-денежные отношения. Товарное производство хотя гораздо в меньшей степени, но все же проникает и в византийскую деревню¹.

Вместе с тем необходимо со всей определенностью подчеркнуть, что развитие товарного производства в Византии XIV—XV вв. лишь создавало некоторые условия для возникновения в будущем капиталистического способа производства, но отнюдь еще не вело к капитализму².

И. В. Сталин писал: «Товарное производство старше капиталистического производства. Оно существовало при рабовладельческом строе и обслуживало его, однако не привело к капитализму. Оно существовало при феодализме и обслуживало его, однако, несмотря на то, что оно подготовило некоторые условия для капиталистического производства, не привело к капитализму»³.

Классики марксизма показали, при каких условиях происходит возникновение капиталистического производства. Товарное производство приводит к капитализму лишь в том случае, если существует частная собственность на средства производства, если рабочая сила выступает на рынок, как товар, который может купить капиталист и эксплуатировать в процессе производства, если, следовательно, существует в стране система эксплуатации наемных рабочих капиталистами.

Бесспорно, в Византии XIV—XV вв. этих условий возникновения капиталистического строя еще не существовало. Лишь в отдельных крупных экономических центрах Византийского государства, преимущественно в городах-эмпориях, начали спорадически пробиваться на основе развития производительных сил первые ростки новых капиталистических отношений. К. Маркс указывал на существование отдельных мануфактур в Константинополе в XV в., как и в других городах-эмпориях средневекового общества. Он писал: «Мануфактура возникает там, где происходит массовое

¹ См. А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 168 сл.

² Явное преувеличение степени развития элементов капиталистического строя в Византии в XIV в. имеется в работе А. К. Бергера. Демократическая революция в Византии в XIV в., Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, 1930.

³ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 15.

производство на вывоз для внешнего рынка, следовательно, на базе крупной морской и сухопутной торговли, в эмпориях — коммерческих центрах, каковы итальянские города, Константинополь, фландрские, голландские города, некоторые испанские, как Барселона и т. д.»¹

Характерной особенностью ремесленного производства в Константинополе в XV в. являлось развитие именно тех отраслей производства, которые были связаны с внешней торговлей, в первую очередь — производящих предметы роскоши. На это прямо указывает Маркс, говоря об экспорте этих отраслей ремесла из Константинополя в Италию в XV веке². В этих отраслях производства византийские ремесленники в XV в. достигли высокой степени совершенства. Константинополь продолжал играть роль важнейшего торгового центра вплоть до открытия морского пути в Индию³.

Несмотря на чрезвычайную скудость данных, касающихся городов, ремесла и торговли в поздней Византии, византийские источники все же содержат некоторые сведения, которые опровергают установившийся в буржуазной литературе взгляд о якобы полном упадке городской жизни в Византии XIV—XV вв. Весьма ценными в этом отношении являются сообщения историка XV в. Лаоника Халкокондила. Этот историк часто упоминает о богатстве византийских городов. Такие города, как Афины, родина Халкокондила, как крупный торговый центр Коринф, Фивы и ряд других городов, по данным этого автора, в XV в. переживали даже известный подъем, а отнюдь не упадок.

Византийский ученый и политический деятель XV в. Георгий Гемист Плифон в своем проекте социально-экономических реформ подчеркивал необходимость проведения протекционистской политики, которая способствовала бы дальнейшему развитию византийского ремесла, особенно изготовлению различных тканей, оградив местное производство от конкуренции итальянцев⁴.

Историк XV в. Дука в своем историческом сочинении подробно описывает богатства Новой Фокее и ее квасцовые рудники⁵. Он указывает на обширные торговые связи Фокее с различными странами. По его словам, франки, германцы, англичане, итальянцы, испанцы, арабы, египтяне и сирийцы покупали в Фокее квасцы, необходимые для окраски тканей⁶. Богатым и обширным городом в XV в., по данным византийских историков, оставалась и Фессалоника⁷.

Другой византийский историк XV в. Критовул в своем историческом произведении рисует картину оживленной экономической жизни в таких крупных торговых центрах, как города Энос, Синоп, Трапезунт и др. В изображении Критовула город Энос в XV в. предстает перед нами как один из богатых и даже цветущих городов Фракийского побережья⁸. Он является лакомым куском, из-за которого идет ожесточенная борьба между турками и итальянцами. Экономическую основу процветания Эноса в XIV—XV вв. составляли квасцовые разработки, обладание которыми

¹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940, стр. 48.

² См. К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1951, стр. 348.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 382.

⁴ A. Ellissen. Analecten der mittel- und neugriechischen Litteratur, Bd. IV, Th. II, Abtl. 22. Leipzig, 1860, S. 22.

⁵ Ducas. Historia Byzantina, ed. Bonn, 1834, cap. 25.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid., cap. 29.

⁸ Critobulus. De rebus gestis Mechemetis II, ed. C. Müller. Fragmenta Historicorum Graecorum, vol. V. Paris, 1883, lib. II, cap. XII, p. 2—8.

приносило значительные доходы, а также развитая торговля с островами Эгейского моря и прибрежными областями Фракии и Македонии¹. По словам Критовула, крупными центрами в XV в. оставались города Патры², Митилена на острове Лесбосе³, Коринф⁴ и другие. Число подобных примеров можно было бы еще умножить.

Зарождение некоторых элементов новых производственных отношений происходило в Византии лишь спорадически, в отдельных торговых центрах, в условиях продолжающегося повсеместного господства феодальных производственных отношений. Аналогичные явления известны из истории экономической жизни других средневековых государств. К. Маркс писал, что «Местами *мануфактура* может спорадически развиваться в окружении, целиком относящемся еще к другому периоду, как она развивалась, например, в итальянских городах, *рядом с цехами*»⁵. Больше того, К. Маркс со всей определенностью подчеркивал, что подобные явления еще не ведут к капитализму, ибо «... условия для капитала, в качестве всеобъемлющей формы целой эпохи, должны быть развиты не только в местных рамках, а в широком масштабе»⁶.

Хотя развитие в Византии XIII—XV вв. внешней торговли и ростовщичества⁷ способствовало созданию необходимых условий для возникновения капиталистического производства, однако оно отнюдь не означало, что этот переход уже мог осуществиться.

В. И. Ленин указывал на то, что «торговый и ростовщический капитал всегда исторически предшествуют образованию промышленного капитала и логически являются *необходимым* условием этого образования... но сами по себе ни торговый, ни ростовщический капитал не составляют ещё *достаточного* условия для возникновения промышленного капитала (т. е. капиталистического *производства*); они не всегда разлагают старый способ производства и ставят на его место капиталистический способ производства; образование этого последнего «зависит всецело от исторической ступени развития и от данных обстоятельств»⁸.

Хотя в Византии XIV—XV вв. развитие производительных сил и продолжалось, но происходило несомненно более замедленными темпами, чем в некоторых других странах Юго-Восточной Европы и бассейна Средиземного моря, — в частности, оно значительно отставало от экономического роста славянских стран Балканского полуострова и итальянских городов-республик. Это объясняется различными причинами.

Важнейшей из них было неограниченное господство класса феодалов, уже превратившихся к этому времени в реакционную силу, препятствующую дальнейшему прогрессу. В руках феодалов находились не только власть на местах, но и центральный аппарат государственного управления. Беспощадная эксплуатация феодалами зависимого крестьянства, его разорение и обезземеливание подрывали экономические основы Византийского государства, мешали дальнейшему развитию производительных сил, тормозили рост внутренней торговли и складывание внутреннего рынка. При наличии достаточно оживленной внешней торговли внутренний рынок

¹ Critobulus. Op. cit., lib. II, cap. XII, § 8.

² Ibid., lib. III, cap. V, p. 1—6.

³ Ibid., lib. IV, cap. XIII, p. 1—3.

⁴ Ibid., lib. III, cap. III, p. 8—10; cap. IV, p. 1—2.

⁵ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, стр. 42.

⁶ Там же.

⁷ См. А. П. К а ж д а н. *Указ. соч.*, стр. 178 сл.

⁸ В. И. Ленин. *Соч.*, т. 3, стр. 151 со ссылкой на т. III «Капитала» К. Маркса, стр. 608 (изд. 1951 г.).

в Византии оставался еще весьма слабым, что отрицательно сказывалось и на развитии ремесла и товарного обмена между городом и деревней.

Сосредоточив в своих руках управление государством, византийские феодалы в своих корыстных целях проводили глубоко антипатриотическую политику покровительства иностранным, в первую очередь итальянским купцам и предпринимателям. Центральное правительство, являвшееся часто игрушкой в руках феодальных клик, раздавало иностранцам торговые привилегии и различные другие преимущества, нанося этим непоправимый вред собственно византийскому ремеслу и торговле. Эта политика византийских императоров получила широкое отражение в источниках.

Таким образом, глубоко отрицательное влияние неограниченного господства феодалов, — явление, известное в истории и других стран, — в Византии усугублялось и осложнялось еще одним весьма важным обстоятельством — проникновением иностранцев (главным образом итальянцев) во все поры экономической жизни Византийского государства в XIV—XV вв. Многочисленные данные источников показывают, что одной из причин замедленного развития элементов новых буржуазных отношений в городах Византии являлось проникновение в империю венецианских, генуэзских и других купцов и предпринимателей¹. Подобно паразитам, присосавшимся к живому телу Византийского государства, они высасывали из него соки — выкачивали богатства Византии; они не только не способствовали росту новых производственных отношений, но серьезно тормозили их развитие. Крестовые походы и латинское завоевание Византии сыграли роковую роль в дальнейших судьбах Византийской империи. С этого времени византийские купцы и владельцы ремесленных мастерских должны были уступить свои позиции венецианцам, а позднее — генуэзцам.

Не останавливаясь подробно на этом вопросе, достаточно хорошо изученном в научной литературе, мы хотим лишь еще раз со всей силой подчеркнуть глубоко отрицательную роль проникновения иностранцев для экономической жизни Византии в последние века ее существования.

Хищническая политика итальянцев порождала ненависть к ним со стороны большинства населения империи, особенно со стороны купечества, народных масс города, ремесленников, наемных работников и т. п. Немалую роль в укреплении ненависти к латинянам сыграла и вероисповедная рознь, разжигаемая византийским монашеством, причем, разумеется, в основе этой «религиозной» вражды лежали глубокие экономические и политические причины. Эта ненависть к латинянам, проходящая красной нитью через многие произведения византийской историографии XIV—XV вв. (Георгий Пахимер, Никифор Григора, Георгий Франдзи, Лаоник Халкокондил, Кривовул и др.) пережила самоё Византийскую империю.

К. Маркс писал по этому поводу:

«... но религиозное возмущение против латинян образует, можно сказать, единственную общую связь между различными народами, населяющими Турцию и исповедующими православие. В этом отношении ничто не изменилось с того времени, как Магомет II осаждал Константинополь, с того времени, как Лука Нотарас, греческий адмирал, самый влиятельный человек в Византийской империи, публично заявил, что он охотнее увидит в столице триумф турецкого тюрбана, чем латинской шляпы...»².

¹ Весьма ценный материал по этому вопросу собран в работе Е. Ч. Скржинской. Генуэзцы в Константинополе в XIV в. ВВ, т. I. М., 1947, стр. 215—234.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 669.

Таким образом, своекорыстная политика итальянцев, подрывавших экономические основы Византийского государства, послужила также одной из важных причин упадка, а затем и гибели Византийской империи.

Кровопролитные смуты и феодальные усобицы в Византии XIV—XV вв. в свою очередь приводили к ослаблению государства, разоряли казну, подрывали финансы империи, способствовали росту феодальной раздробленности и упадку политического влияния Византийского государства.

Итак, феодальные производственные отношения, господство феодалов во всех сферах общественной жизни Византии и их антинародная политика тормозили дальнейшее прогрессивное развитие византийского общества.

И. В. Сталин в своем труде «Экономические проблемы социализма в СССР» указывает, что для того, чтобы экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил пробил себе дорогу и вышел на простор, необходимо наличие в стране общественной силы, способной сломить сильнейшее сопротивление отживающих классов старого общества¹.

В Византии XIV—XV вв. еще не было и не могло быть такой общественной силы, такого передового класса, который смог бы, опираясь на закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, произвести коренной переворот в феодальных производственных отношениях. Вследствие еще недостаточно высокого уровня развития производительных сил и замедленного формирования элементов капиталистического строя внутри феодальной формации в Византии еще не было экономических условий для окончательного оформления и консолидации такого передового класса.

Однако в крупных городах Византийской империи, например в Константинополе, Фессалонике, Андрианополе и др., уже складывалось сословие горожан; все больше обособлялись на одном полюсе городского населения патрициат, на другом — городское плебейство. Именно, вследствие того, что в византийских городах хотя и медленно, но все же зарождались элементы буржуазного строя и формировались новые общественные силы, классовая борьба в Византии в XIV в. вступила в новую, высшую фазу своего развития. Широкое антифеодальное крестьянское движение во Фракии и Македонии сливается в 40-х годах XIV в. с восстанием плебейских масс и примкнувшей к ним торгово-ремесленной верхушки таких городов, как Фессалоника и Адрианополь. На этой новой основе вспыхнуло в 1342 г. одно из крупнейших народных восстаний в Византии — восстание зилотов².

Фессалоникийская коммуна явилась одной из наиболее ранних провозвестниц будущих классовых боев нарождающегося бюргерства в союзе с крестьянством и плебейскими массами города против феодального строя. Сила ее, давшая ей возможность устоять в течение 7 лет под ударами объединившихся врагов, состояла в союзе народных масс города с зависимым крестьянством; ее слабость, обусловившая гибель зилотов, таилась в неразвитости самих городских классов, в отсутствии экономических условий для созревания и консолидации класса буржуазии и класса пролетариата.

¹ См. И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 7—8.

² См. работы советских исследователей по этому вопросу: А. К. Бергер. Демократическая революция в Византии в XIV в., Архив Маркса и Энгельса, т. V, 1930; Б. Т. Горянов. Восстание зилотов в Византии (1342—1349). Изв. АН СССР, сер. ист. и философ., III, 1946; А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 184 сл.

Однако попытка городских масс Византии свергнуть в союзе с крестьянством господство феодалов и произвести коренные социально-экономические реформы, хотя и окончившаяся неудачей в силу указанных причин, все же сама по себе весьма знаменательна и свидетельствует о поступательном развитии византийского общества в XIV в. Разгром же зилотов и полная победа феодалов имели поистине глубоко трагические последствия для судеб Византийского государства, обеспечив торжество самой разнузданной феодальной реакции, победу феодальных клик, неуклонно ведших страну к гибели.

Деградировавший и разлагавшийся феодальный класс Византии в тяжелых внутренних и внешнеполитических условиях, перед лицом надвигавшихся на Византию турецких «варваров» не только не сплотил свои ряды для отпора завоевателям, а наоборот, с необычайным ожесточением бросился в пучину феодальных усобиц, острой борьбы политических партий и течений.

Дмитрий Кидонис с потрясающей силой запечатлел в своих письмах картину глубокого маразма и морального упадка правящих кругов византийского общества в XIV в. Характеризуя положение в Константинополе, он писал: «И внутри города граждане, и не только рядовые, но и слышущие за самых влиятельных в императорском дворце — восстают, ссорятся друг с другом и дерутся за высокие должности. Каждый стремится пожрать все сам, и если это ему не удастся, он грозит переходом к врагу и нападением на всю страну и друзей»¹. И некоторые династы от угроз переходили к делу, становясь открыто ренегатами, предателями своей родины.

В тяжелую для народов Балканского полуострова годину турецкого завоевания немалую роль в успешном продвижении турок сыграла предательская позиция части господствующего класса Византийской империи, перешедшей в стан турок и запятнавшей себя перед лицом истории позорным ренегатством.

Вышеуказанные обстоятельства — экономический упадок империи, длительные феодальные междоусобицы, обострение социальных противоречий византийского общества, предательская политика части византийских феодалов и не менее предательское поведение западных «союзников» Византии, а не столь прославляемая турецкими шовинистическими историками и л а т у р о к, — послужили важнейшими внутренними причинами гибели Византийского государства. Говоря в целом об условиях, подготовивших падение Византии, нельзя обойти молчанием и некоторые существенные обстоятельства внешнеполитического характера, которые не в малой степени содействовали успехам турок. Важнейшее из них состояло в том, что западноевропейские государства, и прежде всего папский престол, проводили крайне вероломную политику по отношению к Византии в период турецкого завоевания. Папство не оставляло своих агрессивных замыслов подчинения восточной церкви и стремилось воспользоваться крайне затруднительным внешнеполитическим положением Византии для осуществления этих планов. В своей хищнической политике папство опиралось на кучку предателей в самой империи, возглавлявших латинофильское течение и стремившихся ценой ренегатства получить милости папского престола. Католическое духовенство всячески разжигало враждебное отношение на Западе к «схизматикам» — грекам. Как отмечал К. Маркс, в период турецкого завоевания в Европе была в ходу пословица о том, что «христиане будут только тогда действительно счастливы, когда будут

¹ Цит. в переводе Е. Ч. Скржинской. Указ. соч. ВВ, т. I. М., 1947, стр. 234.

уничтожены проклятые греческие еретики и турки разрушат Константинополь»¹. Конечно, подобные настроения усиленно насаждались и подогревались агентами папского престола. Вместо активной борьбы против турецких грабителей западноевропейские феодалы и папство стремились к дальнейшему ослаблению и захвату Византии, не желая видеть того очевидного факта, что турки угрожали не только Византии и другим странам Балканского полуострова, но и всей Европе.

Маркс со всей определенностью подчеркивает это обстоятельство. Он пишет: «Турецкое нашествие XV и XVI столетий представляло второе издание арабского нашествия VIII века. ... Как тогда при Пуатье, как впоследствии во время монгольского нашествия при Вальштатте, так и здесь опасность опять угрожала всему европейскому развитию»². Однако папство и западноевропейские феодалы не желали этого видеть и по существу вели глубоко предательскую, вероломную политику по отношению к тем странам, которые стали первым объектом турецкой агрессии.

Задачей настоящей статьи является изучение предательской политики части феодальной знати Византии — так называемых «туркофилов», как одной из важных причин, облегчившей туркам завоевание Византийской империи.

* * *

Вопрос о так называемом «туркофильском» течении в Византии длительное время запутывался и фальсифицировался в буржуазной историографии. Апологеты турецкого завоевания стремились преувеличить масштабы «туркофильского» течения в Византии, доказать, что сочувствие к туркам якобы проникло в самые широкие слои византийского общества; они взяли на себя неблагоприятную задачу реабилитации ренегатов-туркофилов в глазах потомков³.

Поскольку основным источником о «туркофильском» течении в Византии является исторический труд византийского историка XV в. Миханла Гермодора Критовула «История Мехмеда II», то необходимо обратиться к изучению этого памятника и к критическому пересмотру как самого источника, так и литературы о нем⁴.

В буржуазной историографии труд Критовула тенденциозно использовался в определенных политических целях; в частности, в целях «оправдания» турецкого завоевания Византии.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 669.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 276.

³ N. Yonga, Histoire de la vie Byzantine, vol. III, Bucarest, 1934; A. Deissman. Forschungen und Funde im Serai, Berlin—Leipzig, 1933 и др.

⁴ Рукопись исторического сочинения Критовула была обнаружена в 1859 г. в Серайской библиотеке и представляет собой уникальный кодекс, написанный на греческом языке и относящийся к последней трети XV в. См. сообщение А. Tischendorf в приложении к «Allgemeine Zeitung», 1872, № 181, S. 2779. См. также изданное А. Тишендорфом письмо Критовула к султану Мехмеду II в Notitia editionis codicis Bibliorum Sinaitici, Lipsiae, 1861, p. 123 сл.

Произведение Критовула было впервые издано в 1870 г. французским эллинистом Карлом Мюллером и переиздано в 1883 г. с некоторыми исправлениями. K. Müller. Fragmenta Historiconum Graecorum, t. V, Paris, 1870, 1883. Другое издание труда Критовула было подготовлено Ph. A. Dethier в т. XXI Monumenta Hungariae Historica; однако по неизвестным для нас причинам оно не было выпущено в свет.

Труд Критовула не переведен на русский и на западноевропейские языки. Имеются лишь венгерский перевод Strabo в «Monumenta Hungariae Historica», Scriptores, t. XXII. Budapest, 1875 и турецкий перевод P. Karolides в приложении к «Zeitschrift des Institutes für Osmanische Geschichte», Jahrgang III (1910—1912), Konstantinopolis-Istanbul, 1912.

Восхваление Критовула и туркофилов является лейтмотивом работы немецкого профашистского «ученого» Адольфа Дейссмана. Эта работа была написана в тот период, когда германский империализм, после прихода к власти фашистов, особенно упорно стремился укрепить свои позиции на Ближнем Востоке и, в частности, в Турции. Работа Дейссмана проникнута немецким шовинизмом, но вместе с тем автор заигрывает с правителями Турции, стремясь польстить их «национальному» самолюбию путем восхваления «славной истории» и культуры Турции, прославления султана — завоевателя Мехмеда II. Этот кровавый завоеватель, жестокий поработитель народов, безжалостно разрушавший замечательные памятники искусства и культуры, рисуется Дейссманом как «просвещенный монарх», ученый и философ на троне, покровитель наук и искусств¹. С правлением Мехмеда II, по словам автора, связаны два «блестящих» (!) имени греческого Востока и итальянского Возрождения; это — имя его историографа Критовула с острова Имброс и ученого — грека Георгия Амируди из Трапезунта². Эти две фигуры, восхваляемые автором, поставлены рядом и выдвинуты им на первый план отнюдь не случайно. Действительно, перед нами два туркофила, два грека-рenegата, пресмыкавшихся перед турецким султаном и продавших ему свои знания и свой талант. Политические симпатии, а отнюдь не историческая правда определили столь высокую оценку роли этих ренегатов в истории греческой культуры; в частности, оценку «Истории Мехмеда II» Критовула, которую автор считает одним из выдающихся произведений своего времени, имевшим большое значение для истории Константинополя и правления Мехмеда II³.

Глубоко порочная «идея» о том, что покоренные народы должны мириться с завоеванием их родины чужеземцами, что завоеванные могут и должны как-то «ужиться» с завоевателями и приспособливаться к новым условиям, положены в основу работы французского буржуазного ученого М. Убичини⁴. Написанная в 1871 г., после поражения Франции во Франко-прусской войне, она носит на себе яркий отпечаток той политики национальной измены, на путь которой уже тогда становилась крупная французская буржуазия, ныне полностью растоптавшая знамя национальной независимости и национального суверенитета. В те тяжелые для Франции годы, когда для лучших ее сынов с особой остротой звучали вопросы о патриотизме, любви к своей родине и ненависти к завоевателям, часть трусливой и корыстной французской буржуазии устами своих идеологов проповедовала мысль о необходимости мирного сотрудничества с завоевателями и искала в истории оправданий своей предательской политике. Именно в этих целях Убичини обратил свои взоры к далекой фигуре Критовула — грека-рenegата, воспевшего в своем историческом труде «подвиги» врага и поработителя своей родины — турецкого султана.

Убичини стремится оправдать то, что «грек является историком и панегиристом врага, душителя своей страны», что он «оставил потомству описание триумфа победителя в присутствии и на языке побежденных»⁵. Оправдание Критовулу автор находит в том, что единственным виновником гибели Византии этот историк считает *провидение*, а не византийский народ, и тем самым, по мнению Убичини, уравнивает побежденных

¹ A. Deissman. Op. cit., S. 24—36.

² Ibid., S. 25.

³ Ibid., S. 43.

⁴ M. Ubicini. Chronique du règne de Mahomet II par Critobule d'Imbros, Paris, 1871.

⁵ Ibid., p. 65.

с победителями¹. Он хвалит Критовула за то, что тот якобы стремится убедить турецкого султана использовать с умеренностью (!) свою победу, а греков — с достоинством переносить свое поражение. Автор прибегает к подобным лживым и лицемерным уловкам для оправдания предательской политики Критовула и других туркофилов.

Именно этим путем Убичини пытается черпать из истории поучительные примеры для своих современников.

В труде Убичини весьма ярко выражена антигреческая, «западническая» тенденция. Без каких-либо достаточных оснований он голословно утверждает, что греки якобы чрезвычайно легко покорились завоевателям и примирились с завоеванием, всячески подчеркивает слабость греков и неспособность их к сопротивлению туркам. Поведение ренегатов, подобных Критовулу, для него является критерием оценки позиции всех греков, греческого народа в целом; он отнюдь не пытается выяснить, какие социальные слои византийского общества поддерживали турок и почему. Убичини старается подчеркнуть, что Запад будто бы оказывал грекам активную помощь, — при этом французский буржуазный историк, опирающийся на весьма шаткие и явно тенденциозные источники, например М. Филельфо², вступает в явное противоречие с исторической действительностью.

В духе оправдания Критовула, однако без сочувствия к туркофилам, написана работа сербского ученого И. Радонича, посвященная анализу произведения этого историка³. Автор положительно оценивает труд Критовула и ставит его выше произведений других современников — византийских историков Франдзи, Халкокондила и Дуки, итальянца Донадо да Леце, серба Михаила Константиновича и других авторов, написавших историю народов Балканского полуострова в XV в.⁴

Высоко ставя Критовула как историка, Радонич стремится реабилитировать его как политического деятеля, тенденциозно рисуя Критовула греческим патриотом, якобы вынужденно скрывающимся под личиной туркофила⁵. В угоду этой предвзятой и ошибочной концепции автор затушевывает туркофильство Критовула, выдвигая на первый план и крайне преувеличивая его тяготение к эллинской культуре, преклонение перед славным прошлым греческого народа. Радонич не хочет «отдать» Критовула туркам, ибо его труд содержит ценные сведения по истории сербов, и он справедливо опасается, как бы туркофильство не бросило тень на автора, сохранившего столь ценные данные о прошлом его народа.

Всесторонней и глубоко научной оценки туркофильского течения в Византии и деятельности его идеолога Критовула мы не найдем и в трудах тех из зарубежных буржуазных ученых, которые с осуждением относятся к деятельности туркофилов. Основным критерием оценки деятельности туркофилов для этих буржуазных ученых обычно является конфессиональный момент. Туркофилы осуждаются ими прежде всего как отступники от христианской веры.

С ярко выраженных конфессиональных позиций написана, например, работа Р. Низбет-Бэн, посвященная описанию осады Белграда турками⁶. Удачно вскрывая грабительский характер турецкого завоевания и

¹ M. Ubicini. Chronique du règne de Mahomet II par Critobule d'Imbros, Paris, 1871.

² Ibid., p. 57.

³ Глас Српске Краљевске Академије, т. СХХХVIII, Белград, 1930.

⁴ Радонич. Указ. соч., стр. 62 сл.

⁵ Там же, стр. 67 сл.

⁶ R. Nisbet-Bain. The Siege of Belgrade by Muhammed II. «The English Historical Review», vol. VII, London, 1892.

показывая мужественную борьбу Венгрии против турок, автор, однако, на первый план в столкновении этих держав выдвигает религиозную борьбу — борьбу между исламом и христианством. Он подчеркивает, что «Венгрия являлась в XV в. единственным оплотом христианства против волны турецкого завоевания» и что долгим и мужественным было ее сопротивление силам ислама¹. Любимый герой автора — престарелый Янош Гуниади, прославленный полководец, неутомимый борец против турок, по характеристике автора: «честнейший политический деятель, смиреннейший христианин (разрядка наша. — Э. У.) и благороднейший из людей»². В минуту грозной опасности, когда турки двинулись к Белграду, по словам автора, будто бы лишь «ненадежная жизнь» старца стояла между Венгрией и окончательной гибелью, ибо на согбенных годах плечах Гуниади лежало тяжелое бремя поддержания гибнущей монархии»³. Монархические идеи, культ личности, принижение роли народных масс Венгрии в борьбе с турками — эти мотивы явственно звучат в приведенных словах автора.

В крайне панегирических тонах рисует Низбет-Бэн фанатически настроенного монаха Иоанна Капистрана, проводившего своеобразную политику папского престола. И Яноша Гуниади, и Капистрана, по мнению автора, будто «воодушевляла одна мысль, одно желание — спасти христианский мир от неверных»⁴; именно за это они награждаются восторженными похвалами автора. Низбет-Бэн весьма отрицательно относится к туркофилам типа Критовула. И хотя автор и признает ценность труда Критовула как исторического источника, но в то же время правильно подчеркивает крайнюю протурецкую тенденциозность «Истории Мехмеда II», приводящую к прямым искажениям фактов, связанных с осадой Белграда турками⁵.

Критическая оценка — впрочем, с чисто идеалистической точки зрения, — политической позиции Критовула и туркофилов дается в работе венгерского буржуазного ученого Е. Дарко «Последние византийские историки»⁶. Исходя из сугубо-идеалистического понимания исторического процесса, Е. Дарко считает основным двигателем истории Византии борьбу культурных начал, рассматриваемых им в качестве самодовлеющих и «вечных» исторических категорий, совершенно оторванных от социально-экономической жизни. Вся тысячелетняя история Византии фактически сводится у него к борьбе четырех культурных элементов — греческого, римского, христианского и восточного⁷. Автор полагает, что эти «четыре культурных элемента» в течение всей истории Византии «не изменились, остались разделенными и враждебными друг другу... Византийское государство не смогло разрешить сложной проблемы ассимиляции этих четырех элементов, и это, — утверждает Дарко, — послужило причиной его гибели»⁸.

Таким образом, автор выдвигает глубоко ошибочное положение, согласно которому якобы борьба этих культурных начал была, в конечном счете, причиной гибели Византии. Эта борьба, пишет он, нашла свое

¹ R. Nisbet-Bain. Op. cit., p. 236—237.

² Ibid., p. 237.

³ Ibid., p. 241.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid., p. 235 сл.

⁶ E. Dalko. Die letzten Geschichtschreiber von Byzanz. «Ungarische Rundschau für Historische und social Wissenschaften», Jahrgang 2, Heft II, April, 1913.

⁷ E. Dalko. Op. cit., p. 384—385.

⁸ Ibid., p. 395.

отражение в трудах «последних» византийских историков. Согласно теории Дарко, эллинский элемент был якобы представлен Лаоником Халкокондиллом, римский — Дукой, ортодоксально-христианский — Георгием Франдзи и, наконец, восточный — Критовулом¹.

Симпатии автора всецело на стороне «эллинского» элемента и его выразителя — афинского историка Лаоника Халкокондила². В оценке Критовула, «выразителя восточного элемента», Дарко весьма суров; он рисует его ренегатом, прославляющим завоевателя своей родины под влиянием «милостей Порты». Дарко подчеркивает, что Критовул «в своей литературной и политической деятельности преследовал чисто эгоистические цели», и «когда он для прикрытия своего эгоизма впадает в фукидидовский тон, то его голос звучит фальшиво и вызывает отвращение у читателя»³.

Оценивая труд Критовула, Дарко пишет: «В катастрофе 1453 г. победил восточный элемент, однако это вовсе не значит, что Критовул, выражавший этот восточный фактор, стоял на самых правильных позициях». Наоборот, указывает он далее, «История нового времени показала, что наиболее жизненным был эллинский элемент, возродившийся во время борьбы греческого народа за свою независимость и в филэллинизме в Западной Европе»⁴. Халкокондил, положивший, по мнению Дарко, в основу своего труда чисто эллинские традиции, якобы «пророчески предсказал возрождение эллинской культуры в то время, когда Византия была уже трупом»⁵.

Горячий поклонник эллинской культуры, сочувственно относящийся к борьбе греков за свою независимость, Дарко резко отрицательно оценивает турецкое завоевание и политику туркофилов. Однако глубоко идеалистическая методология автора не дает ему возможности всесторонне изучить туркофильское течение в Византии и вскрыть его социальную природу и причины, его породившие:

Другие западноевропейские буржуазные ученые в своих работах, касающихся интересующей нас проблемы, останавливались главным образом на второстепенных, частных вопросах⁶, на проблемах источниковедческого характера и т. д.

В оценке буржуазными историками туркофильского течения в Византии мы можем, таким образом, наметить два основных направления: одно из них, выражающее идеологию наиболее реакционных кругов буржуазии, стоит на позициях открытой апологетики турецкого завоевания и идеализации туркофилов; другое, более объективно расценивая деятельность туркофилов, показывая их предаТЕЛЬскую политику, не поднимается, однако, до глубокого, действительно научного анализа социальных корней туркофильского течения в Византии.

Значительный вклад в дело изучения этой важной и крайне сложной проблемы внесла русская буржуазная историография. Интересный анализ произведения Критовула и политики туркофилов содержится в труде

¹ E. Darko. Op. cit., p. 395.

² Ibid., p. 391—396.

³ Ibid., p. 391.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid., p. 396.

⁶ См. F. Rodel. Zur Sprache des Laonikos Chalkokondyles und des Kritobulos aus Imbros. «Programm des humanistischen Gymnasium», München, 1905; Sp. Lampros. Το πλῆρες ὄνομα τοῦ ἱστορικοῦ Κριτοβούλου в журн. „Νέος Ἑλληνομνήμων“ N. 7, 1910. V. Grecu. Der Widmungsbrief des Geschichtschreibers Kritobulos an Mohammed II den Eroberer. «Melanges Drouhet». Bucarest, 1940.

П. Погодина, посвященном обзору основных источников по истории осады и взятия Византии турками¹. Погодин подчеркивает, что корыстные мотивы в первую очередь толкали ренегатов, подобных Критовулу, в стан турок. Он пишет: «В ту эпоху, когда турки готовы были овладеть Византией, когда отношения между двумя народами, несмотря на их враждебность, были чрезвычайно тесны, часто встречались люди, благоприветствовавшие туркам из корыстных расчетов»². Эти ренегаты внушают глубокую антипатию автору; страстное осуждение их звучит в следующих его словах: «... среди греков не только нашлось много лиц, которые подчинились новому порядку, сознавая свое бессилие сопротивляться ему, но нашлись даже такие, которые не замедлили направить к своему личному благу общее бедствие своих единоверцев, стараясь угодить новому повелителю, снискать его благоволение, для чего в случае нужды не затруднялись изменять своему православию»³. Необходимо отметить, однако, что в вышеприведенных высказываниях П. Погодина достаточно ярко проявляются и конфессиональные взгляды автора: туркофилы отрицательно оцениваются им не только как изменники родине, но, прежде всего, как отступники от православной веры. Кроме того, Погодин явно преувеличивает масштабы распространения туркофильского течения в Византии. Показав, что Критовул является «не единственным перебежчиком в лагерь турок», он, без ссылок на источники, заявляет, будто бы «таких перебежчиков, наоборот, было очень много», и делает не подтвержденный данными источников и потому голословный вывод о том, «как легко приняла турецкое завоевание часть византийского общества, если из среды его выходили такие беззастенчивые слуги поработителей отечества»⁴. Погодин, подобно другим буржуазным ученым, не пытается выяснить социальную природу этой «части» византийского общества, нравственные идеалы которой заслуживают только глубокого его осуждения.

Погодин относится весьма скептически к попыткам Критовула оправдать свое ренегатство декларативными заявлениями о своей мнимой объективности. Критовул стремится объяснить падение Византии изменчивостью судеб человечества и брэнностью всего земного. Погодин, с полным основанием подозревая автора «Истории Мехмеда II» в неискренности, заявляет, что «относительно объяснения Критовула можно с правом применить французскую поговорку — *qui s'excuse s'accuse*»⁵.

П. Погодин совершенно справедливо отмечает слабые стороны и ошибки, встречающиеся в труде Критовула (хронологические неточности, ошибки в именах и географических названиях и т. п.); подчеркивает крайнюю тенденциозность в изображении отдельных событий, приводящую к искажениям исторической действительности, однако он отдает Критовулу должное в отношении хорошего знания положения дел в Турецком государстве. Погодин правильно отмечает также и то, что наиболее ценные сведения Критовул сообщает по истории родного острова и других островов Эгейского моря, в делах которых этот греческий историк проявляет наибольшую осведомленность.

Вместе с тем необходимо отметить, что классовая ограниченность не дает возможности Погодину подняться до понимания социальных основ мировоззрения Критовула и других туркофилов.

¹ П. Погодин. Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками. ЖМНП, ч. 264, 1889.

² Там же, стр. 212.

³ Там же, стр. 213.

⁴ Там же, стр. 215.

⁵ Там же, стр. 214.

Суровый, но справедливый приговор туркофилам и их идеологу Критовулу вынесен и в других трудах русских ученых¹.

Однако и русские буржуазные ученые, в силу порочности своей методологии, не ставили своей задачей выяснение классовой природы туркофильского течения. Разрешение этого вопроса возможно лишь на основе единственно научной, марксистско-ленинской методологии.

Одной из задач данной статьи является выяснение в той мере, в какой дают возможность это сделать скудные данные источников, социальных корней туркофильского течения в Византии, выявление социального состава туркофилов, а также причин, породивших это течение.

Изучение жизни и деятельности Критовула, а также анализ его сочинения проливают некоторые свет на вопрос о социальной природе туркофильского течения в Византии, помогают уяснить, какие именно социальные группировки в стране, в частности на островах Эгейского моря, и по каким причинам пошли на прямое предательство интересов своей родины.

Немаловажным для решения этого основного вопроса является выяснение классового облика и политических взглядов самого автора «Истории Мехмеда II».

Сведения о жизни Критовула довольно противоречивы и весьма скудны. Их можно почерпнуть главным образом из данных, содержащихся в его собственном труде, так как в других источниках встречаются лишь отдельные упоминания его имени. Так, например, в одном манускрипте Национальной библиотеки в Афинах встречается упоминание о «Жизни Магомета», написанной Михаилом Критовулом — секретарем (γραμμας) τέυ султана². Затем имя Критовула мелькает среди имен монахов Афона³, а какой-то врач Критовул упоминается в одном письме Виссарiona Никейского⁴. Последние упоминания скорее всего относятся не к автору «Истории Мехмеда II», однако они породили немало всяких недоразумений и домыслов в буржуазной литературе. Таким образом, до сих пор основным и почти единственным источником о жизни и деятельности Критовула остается его собственное произведение.

Михаил Гермодор Критовул был уроженцем острова Имброс. Свой исторический труд, подобно Фукидиду, он начинает такими словами: «Κριτόβουλος ὁ νησιώτης τὰ πρῶτα τῶν Ἰμβριωτῶν τὴν ξυγγραφὴν τήνδε ξυνέγραψε»⁵. — «Критовул островитянин, первый среди имбриотов, написал это историческое произведение». В дальнейшем, говоря о себе, он почти всегда повторяет: «Κριτόβουλος ὁ Ἰμβριώτης ὁ καὶ τὰδε ξυγγράψας»⁶ или просто: «Κριτόβουλος ὁ Ἰμβριώτης», стараясь подчеркнуть свое происхождение с острова Имброса.

Критовул был родом из знатной семьи: мы знакомимся с ним прежде всего как с человеком знатным, принадлежащим к числу первых граждан острова Имброса. «τὰ πρῶτα τῶν Ἰμβριωτῶν», — говорит он о себе⁷.

¹ В. Н. Бенешевич. Очерки по истории Византии, вып. III, 1912, стр. 6.

² См. С. Sathas. Μεσαλληνική φιλολογία, 1868.

³ Tischendorf. Notitia editionis codicis Biblorum Sinaitici, Lipsiae, 1861, S. 123.

⁴ J. P. Migne. Patr. Graeca, v. CLXI, col. 1017.

⁵ Critobulus. Op. cit., lib. I, cap. I, § 1.

⁶ Ibid., lib. I, cap. XXV, § 1.

⁷ Critobulus. Op. cit., lib. II, cap. XXV. Подобное выражение «τὰ πρῶτα» встречается у Геродота, напр.: «Αἰσχίνης ἑὸν τῶν Ἐρετριέων τὰ πρῶτα»; lib II, 100; Λάμπων Αἰγινητέων τὰ πρῶτα, lib. IX, 77 и др. в значении «первый гражданин» и указывает на первенство по знатности и богатству. Критовул здесь пользуется античным оборотом речи и вкладывает в него тот же смысл, что и древние авторы.

Подтверждение знатного происхождения Критовула и высокого положения, которое он занимал в обществе, мы находим у одного из современников Критовула — Кириака из Анконы. Кириак из Анконы сообщает, что во время посещения им острова Имброса в сентябре 1444 г. его гидом был «знатный имбриот (Imbriotes nobilis) Гермодор Михаил Критовул (Hermodoro Michaelae Critobulo), который был весьма ученым человеком (doctissimus)»¹.

Сообщение Кириака из Анконы приобретает для нас особую важность, как известие современника, которому можно, повидимому, доверять, и которое совпадает с данными самой «Истории Мехмеда II».

Таким образом, мы видим, что Критовул принадлежал к числу представителей одной из знатных фамилий острова Имброса и находился в гуще политической борьбы своего времени.

Впервые предстает перед нами Критовул на страницах «Истории Мехмеда II» в критический момент жизни его родного острова и всего Византийского государства. Летом 1453 г. весть о падении Константинополя и гибели последнего византийского императора достигает островов Эгейского моря². Вместе с ней распространяется слух о приближении турецкого флота, и на островах начинается паника. Архонты императора Константина Палеолога ведут себя крайне трусливо и обращаются в бегство, сев на корабли венецианцев. Жители островов, видя бегство архонтов и опасаясь нападения турецкого флота, тоже готовились к бегству и даже около 200 лемнистов с женами и детьми бежали, — кто на Крит, кто на Хиос, а кто на Эвбею³.

В этот тяжелый момент на сцену выступает Критовул. Ведя двуличную, предательскую политику, он «успокаивает» своих сограждан и убеждает их «добровольно сдать турецкому султану»⁴. Одновременно он тайно посылает верного человека к Хамудзу, турецкому вельможе, «сатрапу Каллиполи и командиру всего турецкого флота» и «многочисленными подарками» (πολλοῖς δώροις) убеждает его не нападать на острова. Затем Критовул, при посредничестве Хамудза, отправляет посольство к султану, возглавляемое епископом острова Имброса. Везя богатые дары, послы прибывают в Константинополь с предложением сдать туркам острова Эгейского моря — Имброс, Лемнос и Фасос и платить дань султану⁵.

Желая подчеркнуть свои «заслуги» перед согражданами, Критовул заключает свой рассказ о предательской сдаче туркофилами островов Эгейского моря знаменательной фразой: «Так спаслись тогда острова от опасности» (οὕτως ἠλευθέρωντο τοῦ τότε κινδύνου αἱ νῆσοι)⁶.

Из рассказа Критовула видно, что к моменту турецкого завоевания он уже принадлежал к числу туркофилов, имел политические связи за пределами своего острова и пользовался покровительством знатных турок, что облегчило ему заключение договора с Хамудзом и открыло доступ к самому султану.

Очевидно, что уже и в этот период он действовал не один, а при помощи других подобных ему предателей, иначе ему не удалось бы так быстро убедить своих сограждан сдать острова туркам.

¹ Сведения эти нашел у Кириака из Анконы Сп. Лампрос. См. «Νεος Ἑλληνομνημών», № 7, 1910, стр. 95.

² Critobulus. Op. cit., lib. I, cap. XXV, § 1.

³ Ibid., § 2.

⁴ Ibid., § 3.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid., § 5.

Однако, желая угодливо подчеркнуть свою преданность новому властелину, Критовул стремится приписать исключительно лишь себе «заслугу» сдачи островов туркам¹. Видимо, уже тогда Критовул надеялся в награду за свое позорное ренегатство получить от турок в управление остров Имброс, но на этот раз он просчитался: Мехмед II, руководствуясь политическими соображениями, счел более выгодным передать острова Эгейского моря в управление знатной генуэзской фамилии Гаттелузи: Имброс — Паламеду, правителю г. Эноса, Лемнос и Фасос — Дорио, правителю Митилены².

Данные Критовула подтверждаются Дукой, который сообщает, что тиран (Мехмед II. — Э. У.) отдал остров Лемнос владетелю Лесбоса. Владетелю же Эноса он отдал остров Имброс, чтобы он платил дань за этот остров тысячу двести золотых номисм³. Разочарование Критовула и его сторонников, видимо, было велико, и они начали прилагать все усилия к свержению власти итальянцев, стараясь очернить представителей дома Гаттелузи в глазах султана. Во всяком случае, и Критовул и другие туркофилы приняли активное участие в борьбе за власть на островах Эгейского моря, которая особенно обострилась зимой 1456 г.⁴ Критовул подробно описывает междоусобицы, вспыхнувшие в семье Гаттелузи после смерти Паламеда Гаттелузи, между его сыном Дорио и претендентами на власть — женой и детьми старшего брата Дорио⁵. При этом автор отнюдь не скрывает своего крайне враждебного отношения к Дорио Гаттелузи. Он рисует Дорио узурпатором, который, «отспранив жену брата и ее детей, незаконно сделался господином всего имущества и всей державы»⁶. В своей вражде с Дорио Критовул был не одинок; более того, повидимому, против Дорио действовала сильная партия местной знати, которая, воспользовавшись распрями Дорио с его родственниками, обратилась за помощью к турецкому султану⁷.

Эта партия временно, с чисто демагогической целью, поддержала «законных» наследников, отстраненных Дорио от власти, стремясь еще сильнее разжечь вражду в доме Гаттелузи⁸. «Обиженные» наследники бежали к султану и через своих родственников разоблачили Дорио перед Мехмедом II, сообщив о том, что тот «враждебен по отношению к нему (султану. — Э. У.) и стремится к перевороту, ведет переговоры с итальянцами, собирает оружие, нанимает войска и решил поставить гарнизоны в Эносе и на островах и вообще склонен к отпадению»⁹.

Султан, решив воспользоваться внутренними смутами на островах, отправляет свой флот блокировать город Энос с моря, а сам с сухопутной армией двигается против Эноса по суше¹⁰. В тяжелый для города Эноса момент, когда его гавань была блокирована с моря турецким флотом, а сухопутная армия султана находилась в местечке Кипсели, расположенном на расстоянии около 100 стадий от города, в Эносе берут верх изменники, ориентировавшиеся в своей политике на турок, которые убеждают сограждан сдать город без боя. Весьма важно указание Критовула на то,

¹ Critobulus. Op. cit., lib. I, cap. XXV, § 2—3.

² Ibid., § 4.

³ Ducas. Op. cit., cap. 44.

⁴ Critobulus. Op. cit., lib. II, cap. XI, § 1.

⁵ Ibid., cap. XI.

⁶ Ibid., § 1.

⁷ Ibid., XI, § 5—6.

⁸ Ibid., § 6.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid., lib. II, cap. XII, cap. XIV.

что сдача города была организована знатью г. Эноса — «первыми» ее гражданами¹.

Расплата для жителей города, поверивших изменникам, была тяжелой. По приказу султана, паша Махмут, вступив в город, подверг его разграблению, затем собрал с жителей тяжкую и позорную дань «кровью» — забрав 150 «доблестных юношей», предназначенных для службы в войске янычар и «устроив там все по своему желанию...», назначив правителем Эноса близкого ему человека, по имени Мурат», возвратился в Андрианополь². Весьма важно сообщение Критовула о том, что паша Махмут, прибыв в Энос, в первую очередь захватил все богатства, хранившиеся во дворцах Дорио, и разграбил дома динаотов, бежавших с Дорио³. Возможно, что часть знати г. Эноса, перешедшая на сторону турок, ценой предательства спасла свои богатства от разграбления турецкими хищниками.

Итак, мы видим, что знать города Эноса, одного из крупных торговых центров того времени⁴, «первые граждане города», предательски сдает его туркам. Таким образом, очевидна туркофильская и одновременно антиитальянская ориентация определенной части местной знати в г. Эносе и на близлежащих островах Эгейского моря. Можно предположить по крайне сочувственному тону автора «Истории Мехмеда II» и по детальной освещенности его о всех подробностях происшедших в Эносе событий, что сам Критовул имел уже и раньше связи с туркофилами в г. Эносе.

Активная роль Критовула как организатора заговора в пользу турок делается еще более ясной из последующих событий. После захвата Эноса командир турецкого флота Ионудзес отправился на остров Имброс для того, чтобы изгнать оттуда наместников [οἱ ἀρμοῦστοι] Дорио. Прибыв на Имброс и отправив посла, он призывает к себе Критовула и передает ему весь остров и бывшие на нем крепости, чтобы он правил ими и охранял их⁵. Καὶ πέμψας ἄγγελον μετακαλεῖται Κριτόβουλον καὶ παραδίδωσιν αὐτῷ τὴν τε νῆσον πᾶσαν καὶ τὰ ἐν αὐτῇ φρούρια ἄρχειν τε καὶ φυλάττειν.

Сам же, захватив наместников Дорио, отплыл домой в Каллиполи⁶.

Совершенно очевидно, что Критовул получил высокий пост правителя острова Имброса за активную деятельность в пользу турок; это была долгожданная награда, приобретенная им за предательство интересов своего народа. Объяснить подобное назначение Критовула можно лишь тем, что он был уже известен турецкому правительству как активный деятель «туркофильской партии» и оказал туркам немалые услуги в деле окончательного подчинения части островов Эгейского моря власти турецкого султана.

О враждебном отношении «туркофилов» к Дорио Гаттелузи были осведомлены и турки, о чем свидетельствует дальнейший рассказ Критовула.

По его словам, когда Дорио, продолжая борьбу за сохранение своей власти, бежал к султану и просил вернуть ему острова, Ионудзес убедил Мехмеда II не возвращать острова Дорио, ссылаясь не только на то, что

¹ Critobulus. Op. cit., cap. XIV.

² Там же. О взятии г. Эноса турками Дука пишет весьма кратко и сдержанно: «Вышедши из Константинополя, 24 января, он (Мехмед II. — Э. У.) подошел к Эносу и овладел им, и, захватив мальчиков и девочек, возвратился в Адрианополь. Владелец же Эноса жил в то время на острове Самофракии». Ducas. Op. cit., cap. 44.

³ Ibid.

⁴ В главе XII книги II своего труда Критовул дает подробное описание богатств г. Эноса, показывает разветвленные торговые связи этого города.

⁵ Critobulus. Op. cit., lib. II, cap. XVI, § 1.

⁶ Ibid.

тот «стремился к перевороту», но и на то, что «... островитяне не примут его, как враждебного им человека»¹.

И действительно, султан оставил острова за собой, а Дорио дал взамен область близ Цехны «в кормление»; но тот вскоре бежал на о. Наксос и, женившись там на дочери одного динаата, остался на этом острове².

Однако в Эносе и на островах действует и другая, проитальянская партия, связанная с Дорио Гаттелузи. Так, из рассказа Критовула видно, что Дорио также имел влиятельных сторонников из числа знати — динаатов. При приближении турецких войск сторонники Дорио бежали из Эноса, и их дворцы были разграблены турками. Можно предположить, что среди динаатов, поддерживавших Дорио, были прежде всего сами генуэзцы, жившие в Эносе и на островах, но не исключена возможность, что среди них находились и представители местной знати, ориентированной на итальянцев.

Таким образом, мы видим, что турки воспользовались внутренней борьбой партий на островах и в городе Эносе для окончательного подчинения их своей власти. Султан, по словам Критовула, милостиво обошелся с динаатами, сдавшими ему острова, а наиболее «ретивых» из них, доказавших на деле свою «преданность» турецкому правительству, вознаграждал «по заслугам».

Итак, мы видим, что один из видных динаатов острова Имброса, грек Критовул, перешедший на сторону врагов своей родины, стал теперь «верным» слугой турецкого султана, его наместником на о. Имбросе. Однако положение нового правителя острова было еще весьма непрочным. Итальянцы никак не могли примириться с потерей таких важных торговых баз, как острова Эгейского моря, и весной следующего, 1457 г., римский папа Калликст III³ снаряжает флот под командованием своего племянника Людовика для возвращения итальянцам островов Эгейского моря⁴. Развертывается упорная борьба за острова между итальянцами и турками, в которой деятельное участие принимают и обе борющиеся на островах «партии»: «латинофилы» — сторонники итальянцев — оказывают активную поддержку папскому флоту, «туркофилы» же действуют в пользу окончательного закрепления островов за турками. Эта борьба нашла яркое отражение в труде Критовула, который не только был хорошо осведомлен о событиях, развернувшихся на островах, но сам принимал в них весьма деятельное участие. Людовику, при поддержке его сторонников, в сравнительно короткий срок удается захватить Лемнос и Фасос⁵. Критовул сообщает далее, — правда в очень туманных выражениях, — о том, что итальянский флот пытался овладеть и Имбросом, но Критовулу удалось заключить соглашение с начальником итальянской эскадры Контоном и избежать сдачи острова⁶. Скорее всего можно предположить, что хитрый и ловкий политик Критовул в этих трудных обстоятельствах прибег к давно испытанному средству — к подкупу командира итальянской эскадры⁷.

¹ Critobulus. Op. cit., lib. II, cap. XVI, § 3.

² Ibid.

³ Критовул по ошибке называет его Николаем. Critobulus. Op. cit., lib. II, cap. XXIII, § 1.

⁴ Critobulus. Op. cit., lib. II, cap. XXIII, § 1. По данным Критовула, флот этот состоял из 30 триер и 2 грузовых кораблей.

⁵ Ibid., § 2—5.

⁶ Ibid., § 6—8.

⁷ Впрочем, может возникнуть сомнение в достоверности сообщаемых Критовулом фактов, так как Халкокондил говорит, что, кроме Фасоса, Лемноса и Самофракии, итальянцы захватили тогда также и Имброс, и лишь спустя некоторое время, когда

Ожесточенная борьба развернулась за острова Лесбос, Хиос и Наксос¹. Критовул сообщает о том, что правители Лесбоса, сыновья Дорио Гаттелузи, узнав о прибытии папского флота, тотчас «подняли мятеж» и, заключив соглашение с Людовиком, перестали платить дань султану². В ответ на это Мехмед II отправил эскадру против Лесбоса во главе с пашой Исмаилом. Последнему удалось захватить большую часть острова. Расправа турок с непокорным населением была чрезвычайно жестокой: города и деревни были сожжены и разграблены, жители — разорены. Захватив большую добычу и нагузив ею корабли, Исмаил вернулся в Каллиполи³. Эскадра, посланная Людовиком на помощь Лесбосу, не оказала ему действительной поддержки⁴, и жители острова были принуждены заключить соглашение с султаном, обязавшись вновь платить ему дань. «Вскоре так же поступили Хиос и Наксос, — пишет далее Критовул, — опасаясь, как бы не пострадать, как митиленцы, которые перенесли столько мучений»⁵. Даже туркофильски настроенный льстивый историограф Мехмеда II принужден признать крайнюю жестокость турок в отношении жителей острова Лесбоса.

В 1459 г., как только итальянский флот возвратился в Адриатику, на островах началось движение против итальянцев. Справедливое недовольство населения правлением итальянцев было использовано в корыстных, предательских целях туркофилами. Предательская роль туркофилов особенно ярко видна из рассказа Критовула о передаче туркам острова Лемноса⁶. В то же время этот рассказ содержит чрезвычайно важные данные, проливающие свет на социальный состав сторонников «туркофильского» течения. Критовул пишет: «Этой же самой зимой (т. е. зимой 1459 г. — З. У.) Критовул имбриот ведет переговоры с династами Лемноса о сдаче острова царю (Τοῦ δ'αὐτοῦ χειμῶνος καὶ Κριτόβουλος ὁ Ἰμβριώτης λόγους προσφέρει τοῖς δυνατοῖς τῶν Ἀθηνίων περὶ ἐνδόσεως τῆς νήσου τῷ βασιλεῖ)⁷.

«Ведь он (остров) еще был занят итальянцами. Они приняли его и предоставили гарантии, что действительно сдадут остров. Ведь он был у них в числе первых друзей (разрядка наша. — З. У.), и они доверяли ему такие именно дела, и еще раньше тайно послали к нему, решив освободиться от ига итальянцев и, главным образом, боясь флота царя (чтобы он, прибыв внезапно, не причинил бы им большого вреда. Ведь итальянцы не могли оказать помощи). И вследствие этого они решили восстать против них и подчиниться царю»⁸.

Рассказ Критовула о заговоре знати на острове Лемнос подтверждается данными другого современника, также хорошо осведомленного в делах островов Эгейского моря, — Дуки. По поводу этого заговора Дука

флот итальянцев ушел к Родосу, турецкие командиры возвратили под власть султана острова Эгейского моря: Исмаил вернул Лемнос и Имброс, Заган — Фасос и Самофракию (Халкокондил, стр. 469). Однако рассказ Критовула подтверждается Дукой (стр. 338), который ничего не сообщает о том, что Имброс был захвачен итальянцами. Возможно, разумеется, и иное предположение, а именно: Критовул мог сознательно умолчать в угоду султану о взятии Имброса итальянцами.

¹ Critobulus. Op. cit., lib. III, cap. X, § 1—8.

² Ibid., § 2. Эти данные Критовула расходятся с сообщением Дуки о том, что население Хиоса и Лесбоса враждебно встретило прибытие папского флота. Ducas. Op. cit., ed. Bonn, p. 338.

³ Critobulus. Op. cit., lib. III, cap. X, § 5.

⁴ По словам Критовула (Ibid., § 4), из-за трусости командира эскадры — Сергия.

⁵ Ibid., § 8.

⁶ Critobulus. Op. cit., lib. III, cap. XIV, § 1—8; cap. XV, § 1—3.

⁷ Ibid., cap. XIV, § 1.

⁸ Ibid.

пишет: «Лемносцы же, настроившись враждебно против своего правителя Николая, тайно посылают некоторых из своих архонтов просить у тирана, чтобы тот назначил одного из своих рабов управлять их островом»¹.

Взяв торжественные клятвы и какие-то гарантии с лемносцев, Критовул отправляется в Адрианополь, ко двору султана. Одновременно он посылает письмо к пелопоннесскому деспоту Деметрию Палеологу и сообщает ему, что настал удобный момент просить в ленное владение у султана острова Имброс и Лемнос, готовые якобы охотно подчиниться власти деспота².

Связи туркофила Критовула с таким же, как он, предателем интересов своего народа деспотом Деметрием были весьма тесны³. Явно туркофильская позиция деспота Деметрия сделала его кандидатуру в наместники островов приемлемой как для султана, так и для действовавших на островах ренегатов, подобных Критовулу.

Получив согласие султана на передачу островов в управление деспоту Деметрию, Критовул возвращается на Имброс и на следующий день, сев на корабль и ускользнув от крейсировавших вокруг острова сторожевых итальянских кораблей, ночью пристает к Лемносу и прибывает в одну крепость на нем. Гарнизон крепости и его командир ожидали Критовула и оказали ему всяческую помощь. Захватив 25 всадников, Критовул на рассвете прибывает в город Котзинос⁴. Заговорщики, находившиеся в городе, открыли Критовулу ворота: «ведь все это было, как я сказал, — пишет Критовул, — заранее подготовлено, и бни об этом уже с ним (Критовулом. — Э. У.) договорились»⁵.

При поддержке жителей города сопротивление немногочисленного итальянского гарнизона было сломлено, и он сдался на милость победителей⁶. Однако в крепости, в древности называвшейся Маринуполь, заговорщики встретили упорное сопротивление со стороны командующего ее гарнизоном Микела⁷. Попытка подкупить Микела не удалась; он решительно отказался сдать город и, «кровью отпечатав меч на грамоте, отсылает ее Критовулу, что означало «только кровью и железом возьмешь ты город, а не иначе». И вместе с тем пишет гордый ответ: «Не проси акрополь, таким образом не возьмешь его. Но если ты мужчина, приди сам с оружием в руках и возьми его!»⁸.

Тогда Критовул, «захватив 400 хорошо вооруженных всадников и не менее 300 пеших воинов, прибывает в Маринуполь и разбивает лагерь вдали от города, чтобы кони и воины не повредили находящиеся вокруг города виноградники и поля»⁹.

Последнее сообщение автора указывает на то, что заговорщики явно заигрывали с местным населением, стремясь привлечь его на свою сторону. В самом Маринуполе нашлись их сторонники: по словам Критовула,

¹ Ducas. Op. cit., cap. 45.

² Critobulus. Op. cit., lib. III, cap. XIV, § 2.

³ См. Э. В. Удальцова. Борьба партий в Пелопоннесе во время турецкого завоевания. Сб. «Средние века», т. III. М., 1951, стр. 170 сл.

⁴ Critobulus. Op. cit., lib. III, cap. XIV, § 4.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid., § 5—6.

⁷ Ibid., cap. XIV, § 7.

⁸ Ibid., cap. XIV, § 8.

⁹ Ibid., lib. III, cap. XV, § 1. Привлекает внимание сообщение Критовула о том, что первоначально, когда он прибыл на остров, отряд его состоял всего из 25 всадников, а затем он возрос до 400 всадников и 300 пеших воинов. Можно предположить, что отряд Критовула увеличился, в первую очередь, за счет дружин местных динатов, поддерживавших Критовула и участвовавших в заговоре.

«Фруарх, увидев большие силы неприятеля и подозревая тех, кто был внутри города, и опасаясь, чтобы они, подстрекаемые теми, кто был извне, не сговорились бы с ними и сами не напали бы изнутри»¹, ... заключает соглашение с осаждавшими. Он просит, однако, дать ему отсрочку на 3 месяца, до получения согласия на сдачу крепости от правителя Родоса, великого магистра, которого Людовик, отплывая в Италию, оставил наместником всех островов. Критовул соглашается, и сдача крепости откладывается на 3 месяца. В конце концов Микел сдает ее Критовулу, получив за это 1 тысячу золотых номисм². Весьма симптоматично то, что платить Микелу пришлось населению Лемноса: Критовул прямо говорит, что эту тысячу номисм собрал народ лемносцев: ὁ δῆμος ὁ Λημνίων³.

Добившись соглашения с итальянцами, действуя главным образом не оружием, а золотом, Критовул известил о происшедшем деспота Деметрия и просил его прислать архонтов, для того чтобы передать им управление островом. Затем, передав остров архонтам, прибывшим от Деметрия, Критовул возвратился на Имброс.

Таким образом, из рассказа Критовула мы видим, что Критовул, совместно со знатью — динаатами (οἱ δύνάται) Лемноса, с которыми он имел давнишние тесные связи, составил заговор с целью свержения на Лемносе власти итальянцев и передачи острова султану. Критовул рисуется как главный руководитель и организатор этого заговора. Динаты Лемноса тайно ведут с ним переговоры об изгнании итальянцев и передаче острова туркам⁴. Критовул здесь действует как прямой агент турок, однако не подлежит сомнению, что острие заговора было направлено против итальянцев.

Итак, руководителями борьбы против итальянцев и движения в пользу турок на островах Эгейского моря, в частности на Имбросе и Лемносе, были представители местной знати, динаты, во главе с автором «Истории Мехмеда II». По сообщению Критовула, заговор динатов был якобы поддержан населением острова Лемноса⁵. Однако совершенно очевидно, что данные Критовула по этому вопросу не заслуживают доверия: не следует забывать о том, что Критовул сам был душой заговора и, следовательно, лицом, заинтересованным в преувеличении размаха и масштабов движения в пользу турок на островах Эгейского моря. Вполне понятно его желание изобразить события, происходившие на Лемносе, не как заговор кучки знатных ренегатов, а в виде широкого движения, направленного против итальянцев, а следовательно, и в пользу турецкого правительства. Вместе с тем нельзя и полностью игнорировать эти данные «Истории Мехмеда II». Скорее всего, в сложной ситуации, создавшейся на островах, динаты Лемноса и «их знатный друг», наместник турецкого султана на острове Имбросе, использовали в своих корыстных целях исконную вражду коренного населения острова к итальянцам, причиной которой было давнишнее торговое и политическое соперничество.

Вместе с тем, можно высказать предположение, что туркофилы из местной знати имели связи с частью богатого купечества островов Эгейского моря, а возможно, и сами занимались ведением торговых операций. Об этом свидетельствуют некоторые данные, содержащиеся в труде Критовула.

¹ Critobulus. Op. cit., cap. XV, § 2.

² Ibid., cap. XVIII, § 1.

³ Ibid.

⁴ Ibid., cap. XIV, § 1.

⁵ Ibid., cap. XIV, § 5—6; cap. XV, § 2

Анализируя историческое сочинение Критовула, мы видим, что наряду с туркофильской тенденцией, через весь труд Критовула красной нитью проходит крайне отрицательное, а порою и открыто враждебное отношение к итальянцам¹, исконным торговым конкурентам греческих купцов. Затем, прославляя турок, Критовул прежде всего восхваляет их за могущество на море² (крайне преувеличивая морские силы турок)³ и за защиту торговли и мореплавания в бассейне Эгейского моря. Стремясь снискать благосклонность турок, Критовул всячески старается показать в приукрашенном виде их растущее «могущество» на море, одновременно радуясь закату былого морского владычества итальянцев. Положение дел в Эгейском море, безопасность плавания по нему, охрана торговых кораблей — вот круг вопросов, особенно волнующих нашего автора и являющихся для него крайне животрепещущими.

Так, например, Критовул особенно упрекает итальянских правителей острова Лесбоса за то, что «они предоставляли стоянки пиратским кораблям и тайно обеспечивали им продовольствие и безопасность, нанося вред всему побережью царя (султана. — Э. У.) и грабя плывущие торговые корабли»⁴. То же обвинение выставляет он против жителей Родоса и Наксоса⁵. Рисуя турок «защитниками» торговли в бассейне Эгейского моря, Критовул прежде всего стремится, конечно, польстить султану, однако, на наш взгляд, он с особой силой подчеркивает покровительство турецкого правительства греческой торговле в Эгейском море именно потому, что для него и для его окружения вопрос об охране торговли и мореплавания в Эгейском море — вопрос первостепенной важности. На основании этого можно предположить, что Критовул был сам заинтересован в процветании греческой торговли островов Эгейского моря, быть может, сам принимал так или иначе, прямо или косвенно, участие в торговых операциях и, во всяком случае, был связан с торговыми кругами, в первую очередь с их богатой верхушкой, как своего родного острова Имброса, так и близлежащих островов.

Далее, угодливо восхваляя, вопреки фактам, «милостивое» отношение турок к населению завоеванных областей, Критовул никогда не забывает особо подчеркнуть «заботу» султана о торгово-ремесленном населении⁶.

¹ Critobulus. Op. cit., lib. II, cap. XI; lib. III, cap. X, XX, XXIII; lib. IV, cap. XI, XVI; lib. V, cap. XVI и др.

² Ibid., lib. I, cap. XXV, § 1—2; lib. III, cap. XIII, XIV, § 2; lib. V, cap. XI и др.

³ При сопоставлении сведений Критовула о флоте турок с данными других современных источников, в частности Дуки, делается совершенно очевидным, что Критовул намеренно значительно преувеличивает морские силы турок. Так, по данным Дуки, во время неудачной карательной экспедиции, снаряженной султаном против Родоса и Хиоса под командованием Генузы (Ионудзеса), у турок было всего 20 кораблей: из них 7 были разбиты бурей, а остальные 13 спаслись в гавани Митилены (Ducas. Op. cit., p. 331), Критовул же говорит о 80 кораблях турок (Critobulus, lib. II, cap. IV, § 1). Во втором походе турок против острова Лесбоса, по данным Дуки, участвовало всего лишь 67 кораблей (Ducas, p. 345), а не 200, как сообщает Критовул (Critobulus, lib. IV, cap. X, § 1). Во время похода Мехмеда против Синопа и Трапезунта, по сообщению Дуки, султан имел 210 кораблей (Ducas, p. 340), по данным Халкокондила — 150 кораблей (Chalcocondylus, p. 485), и только Критовул говорит о турецком флоте в 300 вымпелов (Critobulus, lib. III, cap. II, § 1). Даже турецкий писатель Саадэдин упоминает лишь о 200 галерах, составивших турецкий флот во время похода против Синопа и Трапезунта (Саадэдин, фр. пер. G. de Tassy. Paris, 1826, стр. 196).

⁴ Critobulus. Op. cit., lib. III, cap. X, § 2; lib. IV, cap. XI, § 1. Дука указывает, что этими пиратами были каталонцы. Ducas. Op. cit., p. 388.

⁵ Critobulus. Op. cit., lib. II, cap. III, § 5.

⁶ Ibid., lib. III, cap. XI, § 1—2; cap. XVII, § 1—3; lib. IV, cap. IX, § 4.

Там, где Критовул прославляет строительную деятельность султана, он не упускает случая отметить, что она способствовала, по его мнению, «процветанию» торговли и восстановлению Константинополя как крупнейшего экономического центра¹, причем в угоду туркам он значительно преувеличивает масштабы этого строительства.

При изучении политических взглядов Критовула нельзя не обратить внимания еще на одну характерную особенность его исторического произведения — это особый интерес автора к вопросам городской жизни, экономики крупных городских центров, к вопросам ремесла и торговли. Описывая многочисленные войны и походы Мехмеда II, Критовул всегда интересуется экономическим положением того или иного государства, той или иной области, через которые лежит путь султана. Наибольшее внимание автора, как правило, привлекают вопросы состояния ремесла и торговли, вообще экономической жизни того или иного городского центра. Критовул довольно часто вводит в свое повествование своего рода историко-экономические экскурсии, посвященные экономике той или иной страны в целом, чаще же какого-либо крупного городского центра. Так, в книге II своего труда Критовул дает обстоятельную характеристику экономики Сербии XV в., при этом основное место отводится описанию высокоразвитых горных промыслов близ г. Новоброда, а также подчеркивается обилие цветущих городов в Сербии². Значительный исторический интерес имеют подобные же экскурсии Критовула, в которых показывается состояние экономики таких крупных городских центров, как города Энос³, Синоп⁴, Трапезунт⁵, Митилена⁶, Патры⁷ и др. Эти экскурсии свидетельствуют о широком кругозоре автора, о его осведомленности в вопросах экономической жизни, в частности в вопросах торговли. С другой стороны, они содержат ценный материал об экономической жизни ряда городских центров Византии и соседних с ней государств в XV в. и проливают некоторый свет на один из самых сложных вопросов византийской истории — на вопрос о поздне-византийском городе. Данные Критовула, как уже упоминалось, являются важным свидетельством происходившего в Византии, хотя и замедленными темпами, развития производительных сил в XIV—XV вв.

Особое внимание, уделяемое Критовулом вопросам городской жизни, и почти полное игнорирование им вопросов жизни феодального поместья, деревни, свидетельствуют об определенной направленности его интересов в сторону города. В центре его внимания находятся вопросы мореплавания, торговли и ремесла, охраны «свободы» морей, борьба с пиратством и торговой конкуренцией итальянских купцов. Такая направленность труда Критовула проливает некоторый свет на вопрос о социальной природе той знати островов Эгейского моря, представителем которой был автор, определенно указывая на ее связи с торговыми кругами.

Вместе с тем, со всей определенностью можно утверждать, что в труде Критовула нет никаких прямых данных о поддержке турок со стороны народных масс Византии. Более

¹ Critobulus. Op. cit., lib. II, cap. X, § 1—3; cap. XXII, § 1; lib. III, cap. VI, § 1—2; lib. III, cap. XVII, § 1—2; lib. V, cap. IX, § 1—3.

² Ibid., lib. II, cap. VI, VII, VIII.

³ Ibid., lib. II, cap. II, § 2 сл.

⁴ Ibid., lib. IV, cap. III, § 3—4.

⁵ Ibid., lib. IV, cap. I, § 2—7; cap. VIII, § 1—3.

⁶ Ibid., lib. IV, cap. XIII, § 1—3.

⁷ Ibid., lib. III, cap. V, § 1—7.

того, именно народные массы оказывают решительное сопротивление завоевателям, например в Пелопоннесе¹ и в других областях. В этом отношении представляет значительный интерес рассказ Критовула о захвате турками в 1461 г. Синопа и Трапезунта². Здесь мы видим картину, аналогичную той, что имела место при завоевании турками Пелопоннеса: жители этих городов пытаются оказать туркам сопротивление, а знать, правители, занимают предательскую позицию и фактически сдают эти города туркам. Так, Критовул сообщает о том, что Синоп сдает Мехмеду II правитель этого города Исмаил, «муж могущественный и происходивший из знатного рода, давно получивший сан патрикия, перешедший к нему по наследству»³.

Узнав о прибытии турецкого войска, Исмаил решил, «что будет лучше ему самому выйти и встретиться с царем и узнать причины похода против него и добиться благополучного разрешения дела, если это окажется возможным. И, собрав ценные дары и многочисленные подарки, выходит к царю»⁴. И султан «захватывает город Синоп и всю державу Исмаила, и дает ему взамен сатрапию в Европе, называемую Скопион, соседнюю с трибаллами, страну богатую и плодородную, и ни в чем не уступающую этой»⁵. Критовул здесь стремится особо подчеркнуть то обстоятельство, что Исмаил за свое предательство получил высокое вознаграждение. Рассказ Критовула о сдаче Синопа подтверждается данными других византийских историков — Дуки и Халкокондила, хотя Критовул и расходится с ними в некоторых деталях⁶. Еще более важны данные о захвате турками Трапезунта. Подробно описав переход войск султана через Тавр⁷, Критовул рассказывает о нападении турок на Трапезунт с моря и с суши⁸. При этом даже туркофил Критовул не может скрыть мужественного сопротивления туркам со стороны населения города. Так, он рассказывает о том, что «начальники флота (турок. — Э. У.), приплыв к Трапезунту, войдя в его гавань и высадившись на берег, завязали бой с вышедшими из города трапезунтинцами». . .⁹, и хотя силы были неравны и защитники города Трапезунта были оттеснены обратно в город, но весьма симптоматично, что жители города не только активно оборонялись в самом городе, но даже пытались не допустить врага подойти к нему. О неудачных действиях турецкого флота под Трапезунтом сообщает и Дука: «Хотя флот за много дней до этого прибыл из Синопа в Трапезунт и ежедневно вел боевые действия, однако ничего не добился, пока тиран не подошел по суше»¹⁰.

Мужественное сопротивление населения Трапезунта, окруженного со всех сторон, длилось целых 28 дней, «во время которых, — по словам Критовула, — осажденные совершили несколько вылазок из города и сражались не хуже врагов, но под давлением численного превосходства тотчас оттеснялись и загонялись в город»¹¹.

¹ См. Э. В. Удадьцова. Ук. соч., стр. 167 сл.

² Critobulus. Op. cit., lib. IV, cap. I—IX. Критовул в этих главах дает живое и интересное описание местоположения, природных богатств и торговых связей Синопа и Трапезунта, изображая их крупными торговыми центрами того времени.

³ Ibid., lib. IV, cap. III, § 4.

⁴ Ibid., lib. IV, § 5.

⁵ Ibid., § 7. Ср. Chalcocondylus. Op. cit., p. 491.

⁶ Chalcocondylus. Op. cit., p. 488—492. Халкокондил, например, сообщает о том, что Исмаилу был отдан в управление Филиппополь, это же подтверждает и Дука. Ducas. Op. cit., p. 342.

⁷ Critobulus. Op. cit., lib. IV, cap. IV—VII.

⁸ Ibid., cap. VII.

⁹ Ibid., § 1.

¹⁰ Ducas. Op. cit., cap. 45.

¹¹ Critobulus. Op. cit., lib. IV, cap. VII, § 3.

Иным было поведение знати Трапезунта и последнего царя из династии Великих Комнинов — Давида. Несмотря на то, что Трапезунт был хорошо укреплен и в нем имелись достаточные запасы продовольствия, для того чтобы выдержать длительную осаду, Давид и его вельможи поступили трусливо и сдали город султану¹. Поверив лживым обещаниям турок и надеясь спасти свою жизнь и имущество, они, «тотчас собрав ценные и прекрасные дары и избрав знатных мужей и дав им полномочия, посылают их. Прибыв (в лагерь турок. — Э. У.), пав ниц перед царем, они заключают с ним перемирие и, обменявшись взаимными клятвами, передают город и самих себя царю»...² «И царь Трапезунта выходит с сыновьями и всеми, кто был с ним, и преклоняется перед царем»³. Халкокондил же намекает на то, что ближайший советник царя Давида был прямым изменником и активно способствовал сдаче города туркам⁴.

После того как город был захвачен турками, султан приказал «царю, со всеми, кто был с ним, и с теми, кто пользовался влиянием в городе и обладал богатством, с женами и детьми и всем своим имуществом выйти из города и сесть на корабль»⁵. Расправа турок с остальным населением была крайне жестокой. Несчастные жители города, по словам Критовула, должны были отдать в гвардию султана 1500 мальчиков⁶. Жители Трапезунта были выселены в Стамбул, лучшие кварталы города захвачены турками, и лишь незначительная часть жителей осталась в его предместьях.

Однако трапезунтская знать и Давид Комнин жестоко просчитались, поверив обещаниям турок. Сперва Мехмед II выделил Давиду и его приближенным в управление область около реки Стримона⁷, но затем, под предлогом «измены», беспощадно расправился с последним Великим Комнином, приказав задушить Давида вместе с его 8 сыновьями⁸. Конечно, туркофил Критовул об этом умалчивает: гибель Давида Комнина и его семьи подробно описана Халкокондилом.

Итак, мы видим, что и в Трапезунте нашлись предатели из среды местной знати⁹, сдавшие город туркам, в то время как население его оказывало войскам султана упорное сопротивление.

Ожесточенное сопротивление оказали туркам и жители Лесбоса во время второго похода султана против этого острова¹⁰. Критовул сообщает о том, что когда турецкие войска под командованием паши Махмута высадились близ города Митилены, то митиленцы, подобно жителям Трапезунта, «сперва совершили вылазку», стремясь не допустить врага к городу, но под натиском превосходящих сил турок принуждены были отступить в город и, заперев ворота, стали мужественно обороняться¹¹. Осада города, сопровождавшаяся артиллерийским обстрелом, продолжалась свыше 7 дней,

¹ Critobulus. Op. cit., lib. IV, cap. VII, § 7—8.

² Ibid., § 7.

³ Ibid., § 8; Ducas. Op. cit., cap. 45.

⁴ Chalcocondylus. Op. cit., p. 494.

⁵ Critobulus. Op. cit., lib. IV, cap. VIII, § 2.

⁶ По данным Халкокондила, — лишь 800 мальчиков. Chalcocondylus. Op. cit., p. 497.

⁷ Critobulus, lib. IV, cap. IX, § 1.

⁸ Chalcocondylus. Op. cit., p. 497 сл. Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III. М.—Л., 1948, стр. 800.

⁹ Не следует забывать также и о том, что один из видных «туркофилов», перешедших на службу к султану, философ и ученый Георгий Амируци был родом из Трапезунта и принадлежал к знатной фамилии. Критовул, естественно, с большой симпатией говорит о нем, не забывая упомянуть о том, что Амируци за свои услуги получил от султана высокие награды. Critobulus. Op. cit., lib. IV, cap. IX, § 2—3.

¹⁰ Ibid., lib. IV, cap. IX—XIV.

¹¹ Ibid., cap. XII. Дука рассказывает, что в городе было свыше 5 тыс. воинов и свыше 20 тыс. жителей. Ducas. Op. cit., cap. 45, § 2.

и паше Махмуту так и не удалось взять город штурмом. Лишь прибытие большой армии турок во главе с султаном заставило жителей Митилены сдаться¹. После взятия города турки учинили над его жителями жестокую расправу: лишь незначительная часть населения была оставлена в городе, большинство же жителей или переселено в Константинополь, или обращено в рабство². Правитель Лесбоса Николай³ Гаттелузи был захвачен в плен, заключен в темницу в Константинополе и вскоре убит⁴. Все итальянские наемники, захваченные в плен в Митилене, были перебиты⁵. О жестокой расправе турок с жителями острова Лесбоса еще более подробно рассказывает другой современный византийский историк Халкокондил⁶.

Однако борьба итальянцев и турок за острова Эгейского моря продолжалась и в последующее время. Так, в 1465 г. венецианцы напали на остров Лесбос и начали осаду Митилены⁷. Жители города оказали им сопротивление, однако, по словам Критовула, «два из других городков» острова покорились им, и венецианцы уже надеялись овладеть Митиленой⁸, но прибытие турецкого флота помешало осуществлению их планов. Венецианцы поспешно покинули остров, «захватив с собой мужчин, женщин и детей из перешедших на их сторону крепостей»⁹. Последнее сообщение Критовула указывает на то, что итальянцы имели сторонников на островах и борьба «партий» там еще продолжалась.

В следующем, 1466 г., по сообщению Франдзи¹⁰, командир венецианского флота Виктор Капелла захватил острова Имброс и Лемнос. Весьма примечательно, что Критовул, наместник острова Имброса, умалчивает об этом компрометирующем его в глазах турок событии. Правда, он вскользь упоминает о том, что, когда венецианцы зимой того же 1466 г. прибыли в Константинополь с целью заключить договор с султаном, тот потребовал от них возвращения островов Имброса и Лемноса¹¹.

Очевидно, что турецкий наместник Имброса Критовул не мог оставаться на острове при венецианцах и уехал, повидимому, в Константинополь, где мы его находим во время страшной чумы, свирепствовавшей в городе летом 1467 г. Это явствует из описания чумы в книге V «Истории Мехмеда II», которое может принадлежать только перу очевидца¹². На описании чумы и неудачных попыток Мехмеда II взять крепость Крою внезапно обрывается историческое сочинение Критовула, доведенное, таким образом, до августа 1467 г.

Дальнейшая судьба автора неизвестна. Вернулся ли он на свой родной остров после того, как в 1470 г. Имброс вновь перешел в руки турок, умер ли от чумы в начале 1468 г., как предполагает И. Радониц¹³, или окончил свои дни в келье Афонского монастыря, — как утверждает Тишендорф¹⁴, — с точностью ничего сказать невозможно.

¹ Critobulus. Op. cit., cap. XII, § 1—6.

² Ibid., § 9.

³ Критовул по ошибке называет его Никоредзесом. Ibid., cap. XI, § 1.

⁴ Critobulus, cap. XIV, § 1.

⁵ Ibid., cap. XII, § 9.

⁶ Chalcocondylus. Op. cit., p. 523—527.

⁷ Critobulus. Op. cit., lib. V, cap. VII, § 1. J. Phrantzes. Op. cit., p. 415.

⁸ Critobulus. Op. cit., lib. V, cap. VII, § 6.

⁹ Ibid., § 10.

¹⁰ J. Phrantzes. Op. cit., p. 425.

¹¹ Critobulus. Op. cit., lib. V, cap. XV, § 2.

¹² Ibid., cap. XVII—XVIII.

¹³ И. Радониц. Указ. соч., стр. 47.

¹⁴ Tischendorff. Notitia editionis codicis Bibliorum Sinaitici. Lipsiae, 1861, p. 123.

Во всяком случае весьма показательна судьба исторического труда Критовула. Несмотря на льстивое посвянительное письмо султану и весь панегирический тон произведения Критовула, оно так и не увидело свет, а его автор, видимо, так и не получил ожидаемых за него наград. Нашел ли Мехмед II, что Критовул все же недостаточно льстив и недостаточно яркими красками описал его подвиги, или труд Критовула не попал в руки султана, как предполагает Радониц, — во всяком случае, «История Мехмеда II» на долгие годы затерялась во мраке Серальской библиотеки.

Такой бесславный конец труда Критовула как бы знаменует собой столь же бессловное фиаско «туркофильского» течения в Византии. Предатели туркофилы жестоко просчитались, и их надежды на «милости» турок явно не сбылись.

Подведем некоторые итоги. Анализ труда Критовула показывает, что основной социальной опорой «туркофилов» на островах Эгейского моря и в других областях Византийской империи являлись динаты, местная феодальная знать. На островах Эгейского моря эта знать, быть может, имела связи с торговыми кругами. Никакой социальной опоры в широких народных массах «туркофильское» течение не имело, поэтому отнюдь нельзя преувеличивать его масштабы. Из труда Критовула ясно видно, что изменническую политику в пользу турок вела кучка знатных ренегатов, стремившихся ценою предательства спасти свои богатства и свою власть. Эти ренегаты, правда, иногда использовали в своих интересах недовольство населения засильем итальянцев, однако никаких сколько-нибудь прочных связей с народными массами у них не было. Более того, именно народные массы оказывали самое упорное сопротивление туркам.

Таким образом, миф о мнимом «туркофильстве» народных масс в Византии, созданный буржуазными апологетами турок¹, не имеет никакого научного основания и не находит подтверждения в источниках.

* * *

Турецкое завоевание принесло греческому народу, как и другим народам Балканского полуострова, жесточайшие муки, гибель тысяч людей, рабство и разорение. Византийские историки, особенно Дука, Франдзи, Халкокондил, рисуют столь страшные и в то же время правдивые картины чудовищных зверств турок, что они приводят в содрогание читателя.

К. Маркс неоднократно подчеркивал опустошительность походов турок², их зверства³ и грабежи. Он писал о больших зверствах турок при взятии ими Фессалоники в 1430 г.⁴, отмечал «сцены убийства и грабежей» при походе турок в Пелопоннес в 1446 г. и разорении Пелопоннеса⁵. То же самое повторилось и при последующих походах турок: «В Пелопоннесе, — пишет Маркс, — ... появились в июле 1458 турецкие войска, которые учинили резню, обезлюдили страну, увели жителей»⁶.

¹ См., напр., N. Yogta. Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. I—II. Gotha, 1908—1909.

² К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 181, 184, 188 и мн. др.

³ Там же, т. VI, стр. 194, 200—202.

⁴ Там же, т. VI, стр. 194.

⁵ Там же, т. VI, стр. 202.

⁶ Там же, т. VII, стр. 200.

По словам Маркса, турки «предавали огню и мечу города и села» и «свирепствовали, как канныбалы»¹. Маркс со всей определенностью показывает, что турки вели различную политику по отношению, с одной стороны, к массе покоренного населения, которое они беспощадно вырезали или обращали в рабство, и, с другой — к богатым жителям, которых они иногда стремились привлечь на свою сторону. Он указывает, например, на такой факт, когда вскоре после захвата Фессалоники султан Мурад II «выкупил богатых жителей у своих собственных солдат, а бедных оставил в рабстве»².

В другом месте, говоря о политике турок после взятия ими Константинополя, Маркс пишет о жестокой расправе, которую учинили турки в византийской столице, «отчасти вырезав, отчасти продав в рабство константинопольскую чернь»³.

Как мы видели, эта политика турок имела определенный успех у части разложившейся и растленной феодальной знати Византии, переходившей на сторону турок. Видимо, именно этими потурченцами впоследствии была создана живая легенда о мнимом «туркофильстве» народных масс и якобы «милостивом» отношении турок к покоренному населению, подхваченная и возрожденная в новое время буржуазными апологетами турецкого завоевания.

В действительности же турецкий режим был, по словам Маркса, не чем иным, как режимом «военных оккупантов»⁴. Маркс писал о турках, как о варварах, давно показавших себя противниками всякого прогресса. Он указывал вместе с тем, что в европейской Турции «южные славяне являются единственными носителями цивилизации»⁵.

Глубоко реакционная историческая роль турецкого завоевания Византии и других стран Балканского полуострова состояла прежде всего в том, что это разбойничье завоевание на целые столетия задержало дальнейшее прогрессивное экономическое развитие этих народов, привело к упадку и разрушению их производительных сил, задушило те ростки новых буржуазных отношений, которые уже начали там пробиваться, возродило самые отсталые формы феодального строя.

Однако против террористического турецкого режима народы Балканского полуострова вскоре начали свою поистине героическую борьбу, завершившуюся в конечном счете их полной победой.

¹ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VII, стр. 202, 215.

² Там же, т. VI, стр. 194.

³ Там же, т. VII, стр. 200.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 396.

⁵ Там же, стр. 395.